

Приключения двух стариков

Основано на издании 1917 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/priklyucheniya-dvukh-starikov/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Приключения двух стариков

Сидели как-то два старика – Фрол да Фома – на завалинке, о том о сём шептались, приключениями своими похвалялись. А истории-то у них занятные, одна другой увлекательнее! Вот и вы за стол садитесь, покушайте, про похождения тех стариков послушайте.

...Пошёл Фрол на реку рыбу удить и поймал щуку большую-пребольшую. Обрадовался старик, пришёл с уловом домой да говорит жене:

— Ты из головы ущицу свари, серёдку в рыбный пирог пусти, а хвост на холодец сгодится.

Так старуха и сделала: из головы уху сварила, мясо со спинки и с брюшка от косточек отделила да пирог испекла, а из хвоста холодец рыбный сделала. Всё утро возилась, жуть как притомилась.

Вот настало время обедать. Поставила хозяйка на стол котелок с ухой. Запустил Фрол в него половник, туда-сюда от стенки к стенке водит, а голову щучью никак выловить не может – только жижа черпается, а ни кусочка рыбы никак не попадается. Заглянул в котелок, а там один бульон да лаврушка с перцем плавают.

— Ты что, бабка, голову щучью сама съела?

— Да Господь с тобой, Фролушка! Я только присела, вместе с тобой пообедать хотела.

— Так что же, получается, рыба сама из ухи ушла?

— Видать, сама.

— Не хочу я пустую юшку хлебать, неси тогда пирог!

Поставила старуха рыбник на стол, отломил кусочек – одно тесто. Тут Фрол хватать ломоть – и снова пусто.

— Ты что бабка, пирог без щуки пекла?

— Да Бог с тобой, Фролушка! Ты что, не чувствуешь, какой дух рыбный стоит?

— А где же щука-то?

— Видать, сбежала.

— Не хочу я рыбник без начинки есть, тащи тогда холодец!

Принесла старуха блюдо, а там одно желе трясётся, от рыбы только запах остался.

— Что, и из холодца щука ушла? – возмутился старик.

— О-хо-хонюшки! Обманула нас рыбка, дух свой оставила, а сама уплыла, видать, – вздохнула жена.

Рассердился Фрол да пошёл соседу рассказывать, как варёная щука прямо из печи сбежала. Выслушал его Фома и свой рассказ повёл. Фрол уши развесил, рот раззявил,

речам соседским внимает да диву даётся. Что тут быть, что небыль – сами решайте. А дело было так...

...Женился по молодости Фома на девице соседской Ульяне. Говаривали, что бабка её ведьмой была и перед смертью все знания свои колдовские внучке передала. А мужу больно уж интересно, так ли это? Стал он жену расспросами изводить:

— Что это мы уж целый год с тобой живём, а ни разу я не видел, чтобы ты ворожила? Небось, врут злые языки, нет у тебя никакой волшебной силы. Хоть бы разок что-нибудь наколдовала!

Приставал Фома так к Ульяне, приставал, пока она не рассердилась: треснула мужа ухватом по шее, превратила его в кобеля да из дома выгнала.

Помчался пёс по двору, а соседские собаки как чужака почуяли, набросились на него и давай трепать! Насилу кобель вырвался да в лес умчался. Бежит, хвост поджал, лапы трясутся, а сам себя корит: «И зачем же я, пустая моя голова, жену глупыми расспросами изводил? Вот как мне теперь в собачьей шкуре жить?» Неделю он так мыкался, исхудал весь, бока ввалились, шерсть клоками повисла.

Как-то заприметил пса пастух Никодим, что коров на пастбище привёл, стал его куском хлеба подманивать. А кобелю и боязно, и есть хочется – не знает, что делать. Наконец, голод страх пересилил. Подошёл пёс к пастуху, к хлебной корочке тянется, в глаза заглядывает. Накормил Никодим собаку, приласкал и говорит:

— Ну что, бедолага, видать, несладко тебе пришлось? Оставайся со мной! Будешь помогать мне стадо пасти, а я тебя за это кормить.

Завилял Фома хвостом, обрадовался. Так и стали они каждый день коров на пастбище выгонять, а вечером по дворам хозяйским разводить. Пастух на своего нового помощника не нарадуется: тот всю работу сам выполняет: за поголовьем следит, разбрестись бурёнкам далеко не даёт. А Никодим лежит себе целыми днями на травке, семечки лузгает.

Долго бы та идиллия продолжалась, только напал однажды на стадо волк. Бросился пастух в деревню за подмогой. Пока он по домам бегал, мужиков с вилами да граблями созывал, Фома в собачьей шкуре с серым разбойником в схватке сцепился. Силы-то у них почти равны, никак один другого одолеть не может. Наконец, придавил пёс волка к земле, а тут уж и помощь спешит, вот-вот мужики хищника на вилы поднимут! Сжалился кобель над своим противником, позволил ему в лес уковылять. А сам лёг, поскуливает, раны зализывает. Кинулись люди пса благодарить за то, что стадо защитил, ни одной коровы волку не отдал. На руках его до деревни донесли, всем миром вылечили, выходили.

Разнеслась слава о смелом кобеле на всю округу. Прослышал о том один купец, за-

хотел во что бы то ни стало пса бесстрашного купить. Послал он к Никодиму приказчиков, велел любые деньги отдать, но собаку привезти. А пастух-то задёшево отдавать кобеля не хочет, еле-еле за триста рублей сторговались.

— Хоть скажите-ка, братцы, зачем такие барыши платите?

— Да повадился лавки нашего хозяина кто-то грабить, столько убытка причинил, что и сказать страшно! Вот купец и решил, что твой пёс хорошим сторожем станет.

Привезли Фому в собачьей шкуре на купеческой двор, на цепь посадили да склад охранять оставили. Как только полночь пробил, перебрался через забор незнакомец, замок спилил и давай добро хозяйское в мешки складывать. Награбил, сколько унести может, и к выходу. Только кобель-то уж тут как тут: схватил вора за ногу да давай трепать. А потом подмял его под себя и заливыстым лаем зашёлся. Чует грабитель, что дело плохо: сейчас народ сбежится, и уведут его под белы рученьки прямо в острог. Взмолился разбойник:

— Пёсик, миленький, отпусти меня, пожалуйста! Клянусь грабежом больше никогда не промышлять!

Сжалился кобель, зубы разжал да дал злодею улизнуть. С тех пор ни разу из лавок да со складов ничего не пропадало, перестал купец убыток терпеть.

Дошли до царя слухи, что лучше купеческого пса нет во всей округе сторожа. Захотел он такую собаку при дворе иметь. Выкупили государевы слуги кобеля за пятьсот рублей, во дворец привезли да в будочку ему прямо около царицыной спальни соорудили.

— Должна жена моя вот-вот наследника родить, – говорит псу государь. – Охраняй его пуще глаз своих!

А Фома-то в собачьей шкуре всё понимает, только ответить не может. Покрутил он хвостом, царя в руку лизнул и гавкнул преданно. В ту же ночь разрешилась царица от бремени, появился на свет младенец. Повитухи его обмыли, запеленали да в колыбель уложили. Только все угомонились и спать завалились, как пробралась во дворец старуха юркая, царевича из люльки подхватила да к выходу припустила. Стража даже ухом не повела, но наш-то сторож не дремлет! Нагнал он бабку, дорогу ей перегородил и давай лаять. Взмолилась тогда воровка:

— Пёсик, миленький, отпусти меня, пожалуйста! Клянусь больше во дворец носа не казать.

Оставила она свёрток с ребёночком на полу лежать, а сама к дверям пятится. Дал ей кобель уйти, только на прощанье за ногу тяпнул.

Уж как царь радовался! Велел он всех министров да генералов созвать, чтобы придумали они, чем смелого пса наградить.

— Давайте ему чин дадим, – предлагает один.

— Так он же разговаривать не умеет, – отвечает царь. – Как он будет в Думе заседать?

— Ну, давайте ему денег дадим, – предлагает другой.

— Так это ж кобель! Как он будет деньги тратить?

— Тогда давайте ему шерсть позолотим!

— А что? Хорошая идея! Пусть каждый знает, что это царский пёс бежит, да честь ему отдаёт.

Позвали золотаря, приказал ему царь каждую шерстинку у кобеля вызолотить. Два дня мастер корпел, зато результат получился на славу!

Вот бежит пёс златошерстный по улице, а каждый шапку перед ним снимает, до земли кланяется. Захотел Фома перед супружницей-злодейкой похвастаться. Прибежал в своё село, во дворе уселся, поджидает, когда жена из дома выйдет. Тут дверь отворилась, Ульяна на крыльце появилась. Как увидела она мужа, так руками всплеснула.

— Меня, – говорит, – шерстью золотой не подкупишь. Был ты кобелём, а теперь стань воробьём!

Топнула жена ногой, и тут же Фома птичкой-невеличкой златопёрой обратился, крылышками захлопал, клювиком защёлкал, вспорхнул с земли на пенёк, с пенька на забор да прочь улетел. Порхал он так, порхал, присел на чьё-то гумно, стал соображать: что же ему дальше делать? Жена домой не пускает, а в царский дворец не вернёшься – там сторож нужен, а не воробей. Задумался он и не заметил, как к нему парнишка подкрался да шапкой накрыл. Запихнул парень добычу за пазуху, домой прибежал, стал родителям птичку златопёрую показывать:

— Смотри, батюшка, какого я воробья диковинного поймал! Давай птаху оциплем, а перья золотые продадим. Вмиг обогатимся!

— Ой, давайте, давайте! – подхватила маменька.

А отец как стукнет кулаком по столу да как закричит:

— Да вы что, белены объелись? Это же зять наш Фома, муж дочурки Ульяны! Рассердилась она на супруга своего да в пса его превратила. Забыл ты, сынок, как волком обратился, по пастбищам рыскал, а кобель пастуший тебя мужикам на растерзание не отдал, в лес отпустил? А ты, жена, запомновала, как пёс сторожевой тебя от царской охраны спас, сбежать разрешил? Да и меня он от купеческих приказчиков уберёт, не позволил в острог засадить.

Отобрал мужик птичку у сына, вверх её подбросил да заклинание произнёс:

— Был ты воробьём, а теперь стань молодцом!

И тут же птаха в Фому превратилась. Поклонился он тестю и говорит:

— Спасибо тебе, папенька, за то, что снова меня в человека обратил. Только как же я к Ульяне-то вернусь? Снова она меня заколдует.

А отец отвечает:

— Ты дождись, пока она уснёт, подкрадись тихонечко да прошепчи: «Была ты молодой, а теперь стань кобылицей!» Обернётся жена твоя лошадкой, можешь хоть поле на ней пахать, хоть в повозку запрягать. А как захочешь её снова в девицу обратить, прошепчи на ухо: «Была ты кобылицей, а теперь стань молодой!»

Поблагодарил Фома тестя, пришёл домой ночью, подкрался к спящей жене и прошептал:

— Была ты молодой, а теперь стань кобылицей!

И тут же Ульяна в лошадь превратилась. Стал муж на ней днём поле пахать, а по вечерам в повозку запрягать да по улицам разъезжать. Месяц так прошёл, другой миновал, сжалился, наконец, Фома над женой, прошептал в ухо:

— Была ты кобылицей, а теперь стань молодой!

И тут же обернулась лошадка красной девицей. С тех пор перестал муж к жене приставать, про колдовские чары расспрашивать. Стали Ульяна с Фомой жить-поживать да добра наживать...

— Вот так-то, соседка, мой рассказ поинтереснее твоего будет!

...Почесал Фрол затылок и поплёлся своей старухе про приключения соседа рассказывать да новую небылицу придумывать.